

© 2024. Заика А. Л.

Новая писаница высокогорья Восточного Саяна

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/znqokr>

Новая писаница высокогорья Восточного Саяна в контексте развития наскального творчества Средней Сибири

Заика Александр Леонидович

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 8018-9549

<https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

Scopus Author ID: 55249582100

zaika_al@mail.ru

Аннотация: В статье дана характеристика ранее неизвестных наскальных рисунков, обнаруженных в 2024 г. в результате зимних исследований на р. Кан в высокогорье Восточного Саяна. Выявлены красочные изображения животных, людей, знаков, которые предварительно дифференцированы по двум хронологическим периодам: эпоха ранней бронзы и ранний железный век – раннее Средневековье. Присутствуют сцены скотоводческого, охотничьего характера, отражающие симбиоз различных изобразительных традиций. Рисунки эпохи ранней бронзы: личина с каплевидным оформлением глаз и изображение быка в минусинском стиле, а также антропоморфная фигура тасхазинского типа. Они относятся к окуневской культуре и свидетельствуют о миграции жителей степей на восток VI тыс. л. н. Поздние рисунки соответствуют тематике наскального творчества региона, но стиль и иконография образов по ряду признаков характерны для искусства сопредельных территорий (Средний Енисей, Нижняя Ангара). Соответственно рисунки в верховьях р. Кан являются маркером древних коммуникаций, по которым осуществлялись этнокультурные связи между различными регионами Сибири. Основные траектории межкультурных контактов: восточные притоки Енисея и левые притоки Ангары, радиальная сеть саянских горных хребтов. Связующее звено древних коммуникаций – высокогорный район Восточного Саяна, который слабо изучен и требует дальнейших археологических исследований.

Ключевые слова: петроглифы, окуневская культура, минусинский стиль, межкультурные контакты, Восточный Саян

Цитирование: Заика А. Л. Новая писаница высокогорья Восточного Саяна в контексте развития наскального творчества Средней Сибири. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 857–873. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-857-873>

Поступила в редакцию 24.05.2024. Принята после рецензирования 25.06.2024. Принята в печать 01.07.2024.

full article

New Petroglyphs of Eastern Sayan Highlands as Part of Central Siberian Rock Art

Alexandr L. Zaika

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 8018-9549

<https://orcid.org/0000-0003-2704-0988>

Scopus Author ID: 55249582100

zaika_al@mail.ru

Abstract: The article describes the rock carvings discovered during the winter expedition of 2024 on the Kan River in the highlands of the Eastern Sayan Mountains. The colorful images of animals, people, and symbols were preliminarily attributed to the Early Bronze Age or the period between the Early Iron Age and the Early Middle

Ages. They reflect a symbiosis of various pictorial traditions in depicting scenes of cattle breeding and hunting. The Early Bronze Age images include a mask with teardrop-shaped eyes and a bull in the Minusinsk style, as well as an anthropomorphic figure of the Tas-Khaza type. They belong to the Okunev culture and mark the migration from the steppes to the east that happened 4,000 years ago. The more recent images follow the traditional regional rock art themes, but their style and iconography are more typical of the neighboring territories, e.g., the Middle Yenisei or the Lower Angara. The rock art of the Upper Kan River area marks the ancient communications and ethno-cultural ties between different regions of Siberia. The main trajectories of intercultural contacts went through the eastern tributaries of the Yenisei and the left tributaries of the Angara, as well as across the radial network of the Sayan Mountains. The Eastern Sayan highlands remain understudied as an ancient intercultural hub and require further archaeological research.

Keywords: petroglyphs, Okunev culture, Minusinsk style, intercultural contacts, Eastern Sayan

Citation: Zaika A. L. New Petroglyphs of Eastern Sayan Highlands as Part of Central Siberian Rock Art. *SibScript*, 2024, 26(6): 857–873. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-857-873>

Received 24 May 2024. Accepted after peer review 25 Jun 2024. Accepted for publication 1 Jul 2024.

Введение

Высокогорье Восточного Саяна долгое время оставалось и в определенной степени остается белым пятном на археологической карте Сибири. Несмотря на то что начало российской археологии положено научными открытиями именно в сибирском регионе, Саянская горная страна практически на протяжении 250 лет не привлекала внимания исследователей. Не только труднодоступность, сложный рельеф, дискомфортные природно-климатические условия местности, но и высокая концентрация разнообразных археологических объектов на соседних равнинных территориях (например, Хакасско-Минусинская котловина), которые были более популярными и остаются таковыми в современной археологической научной среде, по всей видимости, определили данную неравномерность изученности Южной Сибири.

Первые попытки исследования горно-таежной зоны Восточного Саяна начали предприниматься с середины XX в., но должных результатов они не принесли, музейные коллекции пополнялись в основном случайными находками в регионе, полученными от рыбаков, охотников, геологов [Леонтьев, Леонтьев 2009: 4]. Практикуются точечные исследования мест их обнаружения. Ориентируясь на информацию местных жителей, которые передали в Красноярский краеведческий музей находки в виде луков-самострелов, сотрудник музея Н. В. Нащекин в 1970 г. обследовал Пезинскую пещеру на южных склонах Канско-Манского Белогорья и датировал местонахождение концом XVI в. [Нащекин 2018: 13–14]. Ранее, в 1963 г., он выезжал

в верховья р. Кунгус (правый приток р. Кан) на место находки местными жителями каменного диска-кольца из серпентинита с гравированными изображениями людей, животных; артефакт был датирован эпохой позднего неолита [Нащекин 1966], позже – эпохой ранней бронзы [Макаров, Мандрыка 1995].

Целенаправленное и систематическое исследование археологических памятников Восточного Саяна осуществлялось совместной экспедицией Минусинского краеведческого музея и музея-заповедника «Томская писаница» в 2000-х гг. За семь лет работ было исследовано более полутора десятка памятников (стоянки, поселения), датированных в широких временных рамках от эпохи неолита – ранней бронзы до позднего Средневековья [Леонтьев, Леонтьев 2009]. Вместе с тем необходимо отметить, что сектор работ охватил большей частью предгорья и среднегорье Восточного Саяна и был локализован Казыр-Кизирским междуречьем. Сами ученые отметили, подводя итоги многолетних исследований, что степень изученности региона «чрезвычайно мала» [Там же: 102]. Северные отроги Восточного Саяна систематически изучались отрядом Красноярского краевого краеведческого музея в 2010-х гг. Выявлено более десятка археологических памятников (стоянки), которые датируются в широких хронологических рамках от эпохи неолита до русского времени [Фокин 2017а; 2017б]. Но работы носили разведочный характер, не отличались масштабностью и большей частью были направлены на определение перспектив археологического изучения региона.

Что касается памятников наскального искусства региона, то начало их целенаправленного поиска и изучения приходится на конец XX в. По информации известного иркутского краеведа М. И. Пугачева, в Тофаларии в зимний период А. П. Окладниковым исследуется писаница на р. Уда в районе Ярминского порога (среднегорье Саян). На поверхности базальта были зафиксированы выбитые изображения животных (лоси), а также подшлифованные лунки. По стилистическим и сюжетным аналогиям с ангарскими петроглифами изображения датированы исследователем эпохой неолита [Окладников 1980]. В верховьях р. Уда, где река прорезает Джуктырский хребет в высокогорье Саян, отрядом Иркутского областного краеведческого музея в 1983–1984 гг. были обследованы нанесенные красной охрой рисунки в районе Миллионного порога. Писаница разновременная, датирована эпохой поздней бронзы – ранним железным веком [Мельникова 1996]. В 1996 г. во время зимней экспедиции Красноярского государственного педагогического университета в верховья р. Мана на скальных обнажениях Кутурчинского Белогорья в районе Большого Манского порога были обнаружены крашенные рисунки эпохи Средневековья, иллюстрирующие сцену перекочевки «оленных охотников» [Заика, Кузнецов 2008: 60–61]. Летом 2018 г. отрядом ООО «Научно-производственное объединение "Археологическое проектирование и изыскания"» в верховьях р. Казыр в районе порога Щеки были обнаружены крашенные изображения двух копытных животных и горизонтальной черты под ними. Предварительно рисунки датируются эпохой поздней бронзы [Барков, Матвеев 2020].

Таким образом, несмотря на активизацию в последнее время археологического изучения высокогорных областей Восточного Саяна, в ходе которого была получена ценная информация о различных аспектах материальной и духовной культуры древнего населения горно-таежных территорий, степень изученности региона остается недостаточной и уровень исследований до сих пор находится на начальной стадии. В этих условиях, когда в большей степени происходит поиск и накопление археологических источников, появление какой-либо новой информации приобретает высокую научную ценность и отличается актуальностью.

Целью работы является освещение результатов исследования нового памятника искусства в верховьях р. Кан, в частности, анализ рисунков в контексте

вопросов, связанных с развитием наскального творчества в горно-таежных районах Восточного Саяна и прилегающих территорий Средней Сибири. Задачи:

- характеристика выявленного объекта наскального творчества;
- на основе стилистического, сюжетного анализа и выделения иконографических особенностей рисунков решение вопросов определения их культурно-хронологической принадлежности;
- интерпретация изображений и выявление межкультурных связей, траекторий контактов между различными регионами Средней Сибири.

Методы и материалы

Писаница обнаружена в начале марта 2024 г. в результате целенаправленных поисковых работ, связанных с проверкой сведений, полученных от местных жителей. Передвижение осуществлялось на снегоходах по льду реки. Полевые работы (топосъемка, фотофиксация и др.) проводились в соответствии с методическими принципами исследования петроглифов в зимних условиях [Заика, Кузнецов 2008]. Сначала был произведен внешний осмотр скальных обнажений с целью выявления наскальных рисунков и определения границ памятника. Во время работ подножия доступных скальных фризов очищались от снежного покрова, труднодоступные участки скалы визуально просматривались с помощью бинокля. После определения границ распространения и индексации рисунков были сняты GPS-координаты центра памятника и его крайних точек.

Во время топофиксации объекта были сняты горизонтальный контур скальных обнажений и вертикальные профили скалы через плоскости с рисунками до уровня подножия / льда. Работы проводились с использованием горного компаса, оснащенного угломером и определителем уровня горизонта, выдвижной рейки (5 м) и мерной ленты (рулетки). Фотофиксация общего вида объекта, его участков, плоскостей с рисунками, их фрагментов осуществлялась с использованием фотоаппарата Canon EOS R50, оснащенного штатным объективом RF-S 18-45 mm, при наличии рейки или мерной ленты с миллиметровой шкалой. Описание проводилось на всех этапах работ с занесением в полевой дневник.

Контактное копирование рисунков по причине их плохой сохранности не применялось. При компьютерной обработке фотоматериалов использовалась программа DStretch.

Результаты

Характеристика наскальных рисунков

Писаница Олений ручей (Орье. Петроглифы 1) расположена в верховьях р. Кан, на левом его берегу, в 60 км к юго-востоку (115 км выше по течению) от п. Орье Саянского района Красноярского края. Выше по течению, в 3 км к северо-западу от писаницы, на противоположном берегу в Кан впадает руч. Олений. В данном месте р. Кан прорезает северные склоны Восточного Саяна между хребтами Пезинское Белогорье (абсолютные отметки до 1859 м) и Тукшинское Белогорье (абсолютные отметки до 1785 м) (рис. 1, 2). Сама писаница находится на высоте порядка 1000 м над уровнем моря. Окружающая местность представляет собой горную страну с темнохвойным редколесьем, которое переходит в альпийские луга и высокогорную тундру (рис. 2).

Скальные обнажения, где зафиксированы рисунки, представляют собой береговой утес, сложенный породами вулканического происхождения (гранитоиды: гранит, сиенит) светло-серого цвета, имеют протяженность в меридианном направлении около 50 м. Скала отвесная, расчленена диагональными

продольными и поперечными трещинами на отдельные скальные блоки, в подножии имеет сравнительно широкую задернованную площадку берегового уступа. Вершина утеса имеет ступенчатые задернованные и частично поросшие лесом горизонтальные площадки (рис. 3). Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков, зафиксированы на 5 плоскостях в центре

Рис. 2. Долина р. Кан в верхнем ее течении. Вид с юга
Fig. 2. Upper Kan River Valley, view from the South

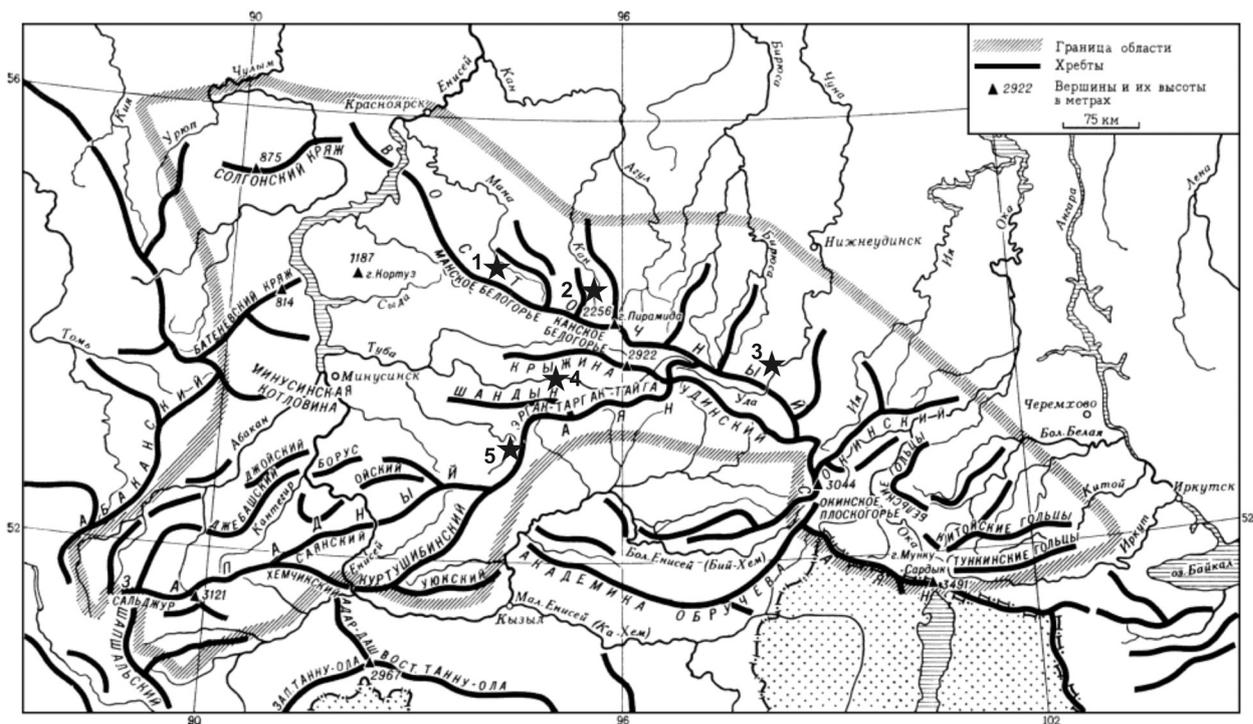

Рис. 1. Карта Саянской горной страны с обозначением писаниц, известных в высокогорных районах: 1 – Большой Манский порог; 2 – Олений ручей; 3 – писаница на Миллионном пороге; 4 – писаница на пороге Шеки; 5 – Кундусукская писаница
Fig. 1. Sayan Mountains with petroglyph sites in highland areas: 1 – Bolshoy Mansky Rapids; 2 – Oleniy Ruchey; 3 – Millionny Rapids; 4 – Shcheki Rapids; 5 – Kundusuk

Рис. 3. Писаница Олений ручей. Общий вид с северо-востока
Fig. 3. The Oleniy Ruchey (Deer Creek) rock art site, general view from the North-East

Рис. 4. Писаница Олений ручей. Плоскость 1. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)
Fig. 4. Oleniy Ruchey petroglyph site: plane 1, view from the East (computer-processed image)

скалы на протяжении 13 м. Плоскости расположены на различных высотах от уровня льда (2,3–4,7 м) на расстоянии 1,3–4 м друг от друга (по фронту), под различными углами наклона обращены на восток и юго-восток.

Плоскость 1 высотой 0,8 м и шириной 1 м находится на северной оконечности писаницы в верхней правой части каменного блока, на месте локального отслоения камня. Каменный блок представляет собой навес над нишей, глубина которой составляет 1,5–2 м, высота – 1 м. Плоскость подтреугольной формы, сравнительно ровная, немного вогнутая в нижней части. На высоте 1,8 м от пола ниши (2,3 м от уровня льда) она под отрицательным углом наклона (-30°) обращена на восток (аз. 358°).

В центре плоскости контурно красной охрой розового оттенка на одном уровне выполнены изображения человека и копытного животного, обращенных в левую сторону (на юг, вверх по течению реки) (рис. 4). Центр плоскости занимает контурная фигура крупного животного. Показаны: широкое вытянутое туловище с выделенным горбом, выпуклый / «отвисший» живот, линия спины с прогибом, контур бедра, немного приподнятый и по дуге опущенный вниз длинный хвост. Пара передних конечностей представлена одинарной вертикальной согнутой на уровне коленей линией. Задние конечности показаны также одинарно, подогнуты внутрь, но выглядят более «объемно». Широкая бедренная часть залита краской, нижняя часть ног оформлена линейно. Шея у него короткая, широкая, вытянута вперед и немного опущена вниз. Крупная голова параболической формы находится в горизонтальном положении, показана реалистично

с выделением контура нижней челюсти и немного зауженной носовой части, дополнена пятном глаза, увенчана короткой линией уха и вынесенным далеко вперед изогнутым рогом. Рог практически соприкасается с туловищем антропоморфа.

Фигура человека динамичная, показана в фас-профильном ракурсе (туловище и голова – в фас, ноги – в профиль). Туловище у него имеет вид трапециевидного контура, наклонено влево (вперед), выделен тазовый выступ, ниже линии живота короткой горизонтальной чертой обозначен фаллос. Линия плеч «усилена» широкой полосой краски, шея не обозначена. Голова округлой формы, нижняя половина ее контура залита краской, в верхней половине двумя пятнами обозначены глаза. Левая рука у него короткая, опущена к рожу животного, и поэтому перед ней ее линия обрывается. Правая рука, соразмерная туловищу, вынесена вперед. Ноги оформлены так же, как и задние конечности животного, согнуты в коленях, дополнены широкой линией ступни, обращенной в левую сторону.

Плоскости 2–4 находятся левее и выше вдоль диагональной ступеньки скалы, опускающейся к южной ее части с высоты 4 м до 1 м от уровня льда.

Верхняя **плоскость 2** расположена в 3,5 м к юго-западу от плоскости 1 на высоте 4,7 м от уровня льда и представляет собой наклонный влево скальный блок высотой 1,3 м и шириной 5,5 м. На высоте 0,7 м он нависает над наклонной скальной полкой шириной 3 м. Плоскость сравнительно ровная, под небольшим отрицательным углом наклона (-10°) обращена на юго-восток (аз. 25°). Рисунки зафиксированы в нижней части блока и представлены фрагментами

в виде двух горизонтальных, параллельных между собой дугообразных линий, выполненных красной охрой малинового оттенка (рис. 5). На сохранность изображений негативно повлияло отслоение внешней скальной корочки.

Плоскость 3 находится в 4,5 м левее и ниже плоскости 2 на высоте 2,4 м от уровня льда, в подножии имеет на высоте 1,2 м горизонтальный скальный приступок шириной 1,4 м. Плоскость вертикальная, шириной 1,2 м и высотой 0,5 м, под разными углами обращена на восток-юго-восток (аз. 10–20°). Поверхность ее неровная, бугристая, обильно покрыта участками отслоения внешней скальной корочки, которая интенсивно осыпается при незначительном физическом воздействии на нее. Соответственно рисунки, которые покрывали всю ее площадь, сохранились фрагментарно. Визуально они просматриваются в виде линий и аморфных пятен бордовой и малиновой расцветки, которые пока трудно сложить в какие-либо образы (рис. 6).

Плоскость 4 шириной 0,3 м имеет подтреугольную форму, по всей длине нависает над плоскостью 3. По всей ее площади выявлены фрагменты рисунков, выполненные охрой бордового цвета, которые также и по тем же причинам в большинстве своем пока трудно идентифицировать (рис. 6).

Плоскость 5 вертикальная, трапециевидной формы (0,9x0,9 м), ограничена трещинами, расположена левее, в 1,3 м к юго-юго-западу (аз. 210°) от плоскости 3. На высоте 2,4 м от уровня льда она обращена на восток-юго-восток (аз. 20°), на 1 м ниже имеет наклонный приступок шириной 0,5 м. Поверхность плоскости бугристая, частично покрыта отслаивающейся карбонатной корочкой. От центра плоскости линиями шириной 1,5–1 см охрой бордового цвета нанесены вниз до трещины нижнего края плоскости две вертикальные черты (рис. 7). В верхней части они соединены горизонтальной перемычкой, к центру которой опущена еще одна линия, оформляя «трезубец». К верхнему концу левой черты сбоку (слева) примыкает горизонтальный «отросток». Под нижней естественной границей плоскости (трещина) зафиксированы два коротких косых росчерка охры того же цвета.

Датировка и интерпретация

Прежде чем перейти к вопросам датировки наскальных рисунков, установим их относительную хронологию. Учитывая планиграфию и топохарактеристики плоскостей, наиболее удобное центральное место занимает плоскость 1. Она защищена от внешнего воздействия

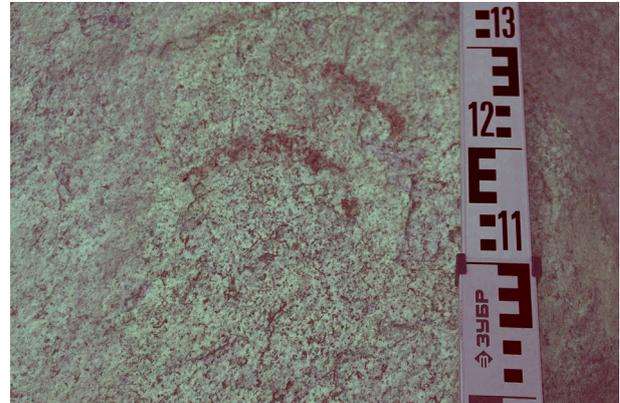

Рис. 5. Писаница Олений ручей. Плоскость 2. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)

Fig. 5. Oleniy Ruchey petroglyph site: plane 2, view from the East (computer-processed image)

Рис. 6. Писаница Олений ручей. Плоскости 3 и 4. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)

Fig. 6. Oleniy Ruchey petroglyph site: planes 3, 4, view from the East (computer-processed image)

Рис. 7. Писаница Олений ручей. Плоскость 5. Вид с востока (фото после компьютерной обработки)

Fig. 7. Oleniy Ruchey petroglyph site: plane 5, view from the East (computer-processed image)

скальными навесами и уступами, имеет отрицательный наклон, что определило сравнительно хорошую сохранность рисунков. Сама плоскость представляет собой ровное широкое каменное полотно для нанесения изображений, имеет удобные подходы к ней и широкую площадку в подножии, хорошо видна на отдаленном расстоянии. Поэтому, надо полагать, изображения на плоскости 1 являются наиболее архаичными.

Более поздние изображения стали наноситься в менее удобных местах левее и выше плоскости 1 вдоль диагональной полки скалы. Первоначально, видимо, для начертаний была использована плоскость 2, которая находится недалеко от плоскости 1, в сравнительно «комфортных» условиях, и минимально подвержена негативным эрозийным процессам. Вместе с тем нельзя исключать, что правая часть каменного блока обвалилась, образовав нишу размерами 1x1 м. Это может объяснить лаконичность начертаний на плоскости 2 как периферийных по отношению к утраченной композиции. Позднее были нанесены рисунки на каменном блоке с плоскостями 3 и 4. Причем здесь следует логично полагать, что сначала, несмотря на неровный рельеф каменного «полотна», изображения появились на вертикальной поверхности (плоскость 3), а затем уже на навесе над ней, где рисунки отличаются более насыщенным цветом и выглядят ярче. Незащищенность каменной поверхности от внешних воздействий привела к активным эрозийным разрушительным процессам: поверхностная деформация скальной породы, отслаивание карбонатной корочки и др. Та же ситуация наблюдается и на соседней плоскости 5, которая находится на южной периферии писаницы, и лаконичные рисунки на ней, видимо, замыкают верхнюю границу хронологической шкалы петроглифов.

Определение культурно-хронологической принадлежности рисунков следует начать с композиции на плоскости 1. Как отмечалось выше, рисунки выполнены охрой одной расцветки, фигуры объединены одной сюжетной линией, т. е. нанесены в одно время и одним автором. Судя по всему, первоначально древний художник на удобном ровном участке плоскости выполнил изображение животного, свободно расположив его на каменном полотне. Чтобы подчеркнуть крупные габариты образа, он немного вытянул его туловище и, учитывая нижний выступ плоскости, вынужден был «укоротить» линию передних конечностей, контур хвоста вписал в правый край камня. После нанесения длинной изогнутой линии рога перед ним возникла проблема с местом для антропоморфа.

Причем показать его необходимо было, видимо, с вытянутой вперед рукой. Место было ограничено сверху горизонтальной трещиной, слева – краем камня, справа – линией рога. По всей видимости, поэтому ему пришлось туловище антропоморфа максимально приблизить к линии рога, минимизировать левую руку, верхний контур головной части ограничить трещиной, ноги поместить на поверхность скального выступа (рис. 4). Не исключено, что подобное плотное размещение фигур было преднамеренным, т. к. вынесенная вперед рука находится немного ниже уровня плеч и в определенной степени продолжает линию рога животного, иллюстрируя финальную сцену поединка. Данная трактовка сюжета отличается экстравагантностью и требует отдельного рассмотрения. Поэтому обратим внимание на сюжетное сочетание *человек – копытное животное* в наскальном искусстве Саянского региона.

На писанице Сосновка Джойская в Саянском каньоне В. Ф. Капелько в 1977 г. зафиксировал рисованную красной охрой сцену противостояния лучника и быка [Заика 2014в: рис. 1, 12]. Бык показан контурно в статичной позе, имеет крупные размеры, обращен в правую сторону. У него обозначены все четыре конечности, к двум традиционно изогнутым рогам добавлена саблевидная узкая линия третьего рога (рис. 8, 3). Навстречу ему обращена профильная фигура охотника, которая имеет меньшие размеры. Одна рука у него на уровне груди вынесена вперед, пересечена извилистой линией лука и далее продолжает линию стрелы. Другая рука сохранилась фрагментарно в виде крючковатого выступа за спиной. Рисунки датируются эпохой позднего неолита – ранней бронзы [Заика 2014в; Заика, Клементьев 2021: 33].

В высокогорье Восточного Саяна в верховьях р. Уда на писанице у Миллионного порога Л. В. Мельниковой выявлена сцена охоты лучника на оленя, который имеет также крупные размеры, но показан в «скелетном» стиле [Мельникова 1996: 90]. В данном случае животное находится в статичной позе, но в вертикальном положении, обращено спиной к охотнику. Фигура охотника профильная, как и на Джойской писанице, одна рука у него вытянута по направлению к животному, пересечена дугой лука, продолжает линию стрелы, другая – за спиной по дуге примыкает у туловищу (рис. 8, 2). Отличия: обозначен короткий выступ фаллического отростка, к луку добавлена линия тетивы, согнутые в коленях ноги показаны одной линией. Ориентируясь на сюжеты и стиль петроглифов Алтая, Тувы и Монголии, исследователь соотносит

рисунки писаницы с концом бронзового века – началом железного века (конец II – начало I тыс. до н. э.) [Там же: 93]. С чем трудно согласиться. Реализм образов, наличие у животного признаков, характерных для минусинского стиля (вертикальная поза, постановка согнутых конечностей), общие сюжетные и частные (на примере лучника) иконографические, стилистические аналогии с вышеописанными рисунками на писанице Сосновка Джойская позволяют верхнюю дату рисунков ограничить концом эпохи ранней бронзы (середина II тыс. до н. э.). Использование древним автором скелетного стиля при изображении животного не противоречит данным выводам.

На прилегающей территории в верхнем течении р. Ангара А. П. Окладниковым на писанице Баля Сухая была обнаружена сцена противостояния лучника и крупного копытного животного [Окладников 1966: табл. 144, 1], которого исследователь определил как «лось» [Там же: 87], но позднее по ряду признаков он был помещен в разряд «териоморфных быкоподобных образов» [Заика, Клементьев 2021: 28]. Животное показано контурно в статичной позе, у него крупное широкое туловище, короткая широкая шея, укороченные конечности, параболоидный контур головы увенчан двумя ушами и направленными вперед двумя дугами рогов. Обозначены также глаз и короткой линией рот. Фигура лучника аналогична описанному выше, но голова и туловище у него показаны контурно (рис. 8, 1).

Таким образом, известные в регионе сюжетные сочетания человек – копытное животное иллюстрируют сцены охоты лучников на животных. Последние отличаются своими крупными размерами, показаны контурно в статичных позах, характерных для минусинского стиля. Антропоморфы показаны силуэтно-линейно или контурно-линейно в профиль, отличаются небольшими размерами. Датируются рисунки в пределах позднего неолита – ранней бронзы (III – первая половина II тыс. до н. э.). Примечательно, что в Северной Азии для петроглифов данного периода сцены охоты не характерны. Они получают популярность в эпоху раннего железа и Средневековья, когда во время охотничьих кампаний оттачивались навыки боевого искусства [Аннинский и др. 2007: 24], иногда «охотники» добавлялись к более ранним изображениям животных [Арсеньева, Заика 2020: 170]. Соответственно, напрашивается вывод о том, что данный сюжет маркирует своеобразие традиций в наскальном искусстве горно-таежной зоны Сибири в обозначенный период. Аналогичные сцены на «саянском кольце»,

где присутствуют профильные фигуры лучников и копытные животные, показанные в минусинских изобразительных традициях (рис. 8, 5), дополнительно аргументируют это предположение, как и сюжет охоты на р. Ус в Западном Саяне [Заика, Вдовин 2023].

Канская композиция в общем плане укладывается в данную сюжетную канву (кардинальное отличие: антропоморф не противопоставлен животному, а следует впереди него), как и стиль и общая иконография образов. В частности, копытное животное показано с длинным изогнутым рогом и не менее длинным хвостом, что в сочетании с объемным туловищем, короткой широкой шеей и параболоидным контуром головы не позволяет сомневаться в том, что изображен бык, причем в минусинских изобразительных традициях (ноги опущены вниз, подогнуты внутрь, голова вытянута вперед). Форма рога и моделировка туловища, постановка ног находят многочисленные аналогии среди петроглифов, выполненных в окуневских изобразительных традициях (рис. 8, 4), что не противоречит приведенным выше датировкам сюжета. В отличие от описанных сцен антропоморфная фигура показана не в профиль, а в фас-профильной проекции. Возможно, это было необходимо, чтобы отразить во фронтальном ракурсе не столько туловище, сколько головную часть образа с необходимыми деталями: глаза, горизонтальная манера «татуировки». Последний фактор характерен для окуневских масок-личин тасхазинского типа; несущие их антропоморфы нередко изображены также в фас-профильном ракурсе, в наклонном положении и, как правило, с одной вытянутой вперед рукой (рис. 9, 2). Фас-профильные фигуры характерны и для петроглифов эпохи ранней бронзы Нижней Ангары [Заика 2013: 137], причем у некоторых из них зафиксированы гипертрофированно выраженные ступни, как и у канского персонажа (рис. 9, 1).

Таким образом, композицию на плоскости 1 следует датировать эпохой ранней бронзы. Рисунки выполнены в окуневских изобразительных традициях с художественными элементами, характерными для наскального искусства Нижней Ангары. Сюжетный контакт антропоморфа с животным отражает особенности наскального творчества региона.

На плоскости 2 лаконичный / фрагментарный сюжет в виде двух дугообразных линий пока трудно поддается культурно-хронологической интерпретации. Возможно, двойные дуги оформляли параболоидный контур головы животного, обращенного в правую сторону, или представляют собой какой-то тамговидный знак.

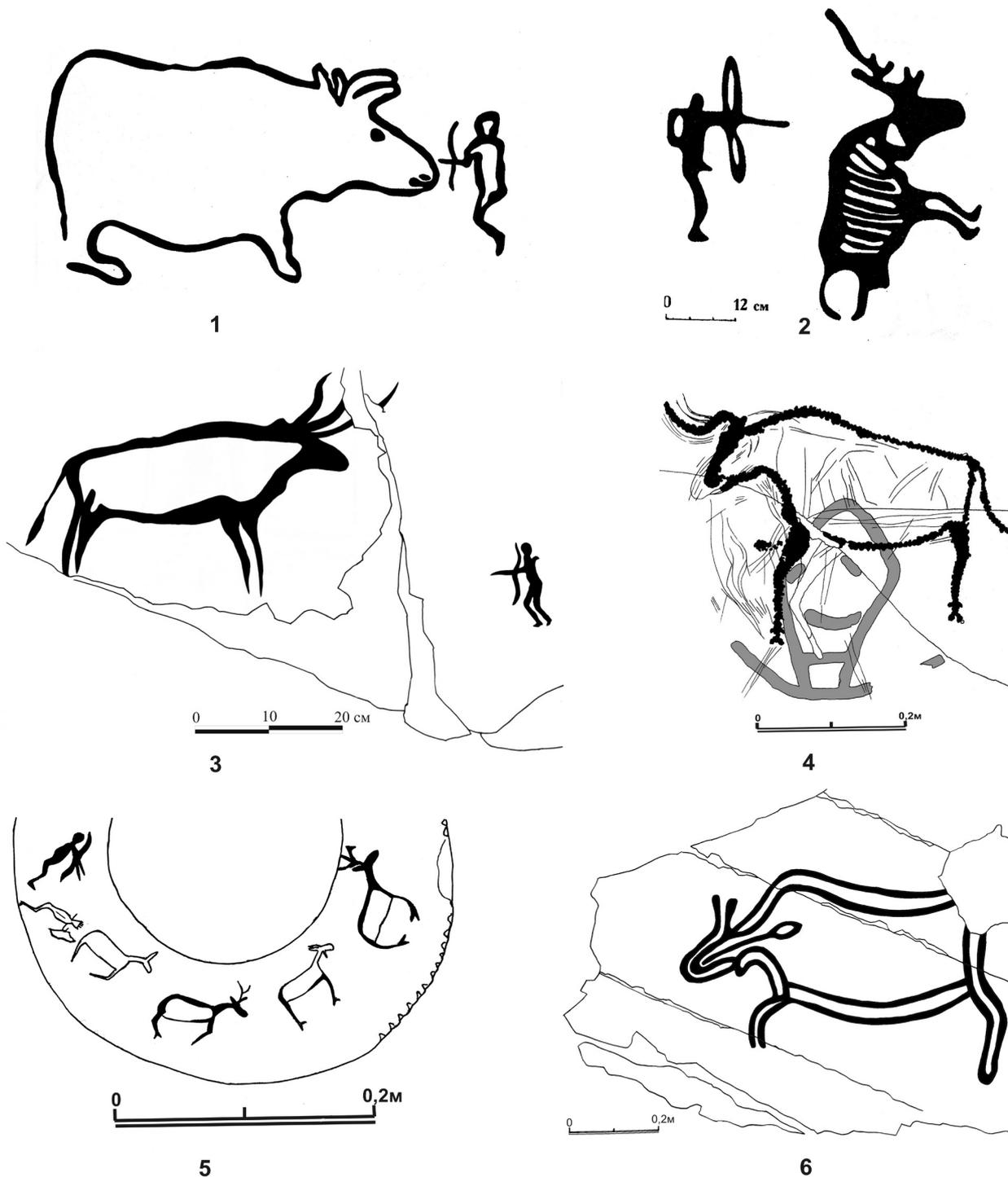

Рис. 8. Изображения животных и сцен охоты на них в наскальном искусстве Средней Сибири: 1 – писаница Баля Сухая [Окладников 1966: табл. 144, 1]; 2 – писаница у Миллионного порога [Мельникова 1996: рис. 1, 4, 5]; 3 – писаница Сосновка Джойская [Заика, Клементьев 2021: рис. 2]; 4 – Шалаболинская писаница [Заика и др. 2020: рис. 5]; 5 – фрагмент петроглифов на «саянском кольце» (прорисовка А. Л. Заики); 6 – писаница Нижний Брат (прорисовка А. Л. Заики)
 Fig. 8. Animals and hunting scenes in rock art of Central Siberia: 1 – Balya Sukhaya petroglyph site [Okladnikov 1966: Tab. 144, 1]; 2 – Millionny Rapids petroglyph site [Melnikova 1996: Figs. 1, 4, 5]; 3 – Sosnovka Dzhoyskaya petroglyph site [Zaika, Klementyev 2021: Fig. 2]; 4 – Shalabolinskaya petroglyph site [Zaika et al. 2020: Fig. 5]; 5 – petroglyph fragment from Sayan Ring (drawing by A. L. Zaika); 6 – Nizhniy Brat petroglyph site (drawing by A. L. Zaika)

Рис. 9. Антропоморфные образы в петроглифах Средней Сибири: 1 – писаница Шунтары [Заика 2013: табл. 77]; 2 – писаница Кантегир 1 [Леонтьев 1985: рис. 1]; 3 – окуневская стела № 203 (фрагмент) [Леонтьев и др. 2006: 185]; 4 – окуневская стела № 90 из могильника Тас-Хазая (фрагмент) [Там же: 139]

Fig. 9. Anthropomorphic images in petroglyphs of Central Siberia: 1 – Shuntara petroglyph site [Zaika 2013: Tab. 77]; 2 – Kantegir 1 petroglyph site [Leontiev 1985: Fig. 1]; 3 – Okunev stele No. 203 (fragment) [Leontiev et al. 2006: 185]; 4 – Okunev stele No. 90 (fragment), Tas-Khazaa burial ground [Ibid.: 139]

Рисунки на плоскости 3 сохранились фрагментарно, но планиграфически и по цвету красящего пигмента их можно дифференцировать на два хронологических блока. В левой части плоскости на сравнительно ровной поверхности изображения, видимо, относительно более ранние, выполнены охрой малиновой расцветки. На менее удобной бугристой поверхности в правой части камня рисунки, надо полагать, нанесены позже и по цвету охры (бордовый оттенок) соответствуют изображениям на навесе (плоскость 4).

Сохранившиеся фрагменты краски пока трудно сложить в какие-либо образы, вместе с тем можно предварительно полагать, что в левой части плоскости была изображена неоконтуренная антропоморфная личина. В этом случае угадываются симметрично расположенные дуги «бровей», под которыми сохранились пятнистые фрагменты глаз. Другая трактовка: горизонтальные каплевидные контуры глаз с пятнами зрачков внутри. Рот личины, надо полагать, обозначен хорошо сохранившейся горизонтальной полосой краски. Подобные лики зафиксированы в древнем искусстве на широком пространстве Северной Азии, в частности, в петроглифах Минусинской котловины и Нижней Ангары (рис. 9, 3, 4; рис. 10), где в большинстве своем соотносятся с эпохой ранней бронзы [Заика 2014а; 2014b].

В правой части плоскости хорошо фиксируется угловатая линия дуги, которая в сочетании с расположенными правее остатками мазков охры может моделировать линейную фигуру животного, показанного в позе внезапной остановки и ориентированного в правую сторону. Не исключено, что на его спине находился всадник. В этом случае рисунки можно предварительно соотнести с эпохой раннего железа, когда в петроглифах Южной Сибири у животных доминирует подобная поза и получают распространение изображения всадников [Советова 2005; Советова, Миклашевич 1999: 62–65; Советова и др. 2021: 77–106].

Трактовка сюжетов на скальном навесе (плоскость 4) также вызывает затруднения. Исключение составляют полосы краски в левой части плоскости, которые можно трактовать как остатки изображений живота и конечностей двух животных, ориентированных в левую сторону. У крайнего левого животного ноги прямые, широко разнесены в стороны, имеют «валенкообразные» ступни / копыта. Подобное оформление конечностей чаще всего характерно для изображений медведя в искусстве Северной Азии [Журавков, Заика 2001; Муршидова, Заика 2019], но он, как правило, изображался в статичной позе

Рис. 10. Антропоморфная личина на камне, обнаруженном на правом берегу р. Тасеева (левый приток Ангары)
Fig. 10. Anthropomorphic face on a stone discovered on the right bank of the Taseeva River, left tributary of the Angara

или в динамике движения шагом, в редких случаях – в позе прыжка, как на писанице Куня [Миклашевич 2023: 67, рис. 1, 6]. В любом случае, в композициях перед ним всегда присутствует противник или жертва, для которых место на плоскости не отведено. Соответственно, надо полагать, изображено копытное животное в позе «летающего» галопа. Данный аллюр характерен для зооморфных образов в петроглифах таштыкской эпохи и периода раннего Средневековья, а в сочетании со своеобразным оформлением копыт хорошо представлен в раннесредневековой композиции на писанице Улазы (север Минусинской котловины) (рис. 11, 1). «Валенкообразные» конечности зафиксированы у оленей в средневековых петроглифах Нижней Ангары, но животные, как правило, показаны в более спокойных позах (рис. 11, 2).

У правого животного, которое, видимо, сюжетно связано с левым зооморфом, также показаны пары передних и задних конечностей, но трактовка их нижней части не совсем понятна. С определенной долей условности можно полагать, что передние ноги у него

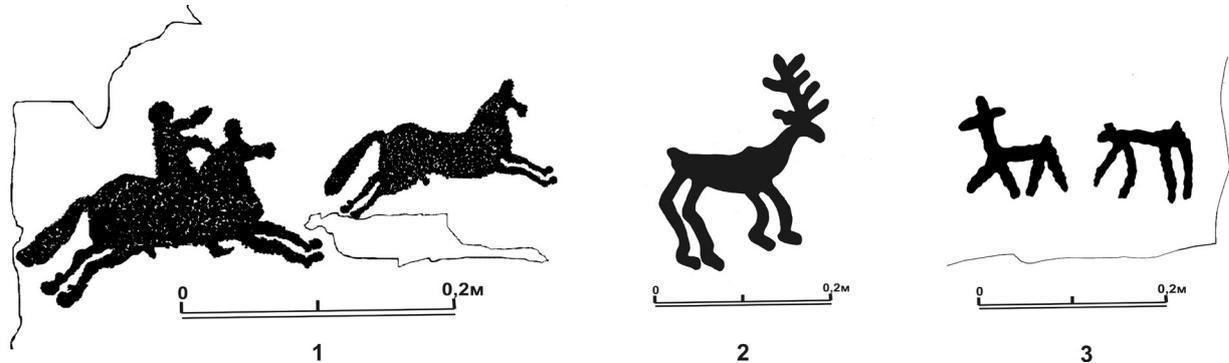

Рис. 11. Петроглифы эпохи Средневековья на писаницах Средней Сибири (прорисовка А. Л. Зайки): 1 – писаница Улазы;

2 – писаница Олений утес; 3 – писаница Ленкова гора

Fig. 11. Medieval petroglyphs in Central Siberia (drawing by A. L. Zaika): 1 – Ulazy petroglyph site; 2 – Olenniy Utes petroglyph site; 3 – Lenkova Gora petroglyph site

от уровня туловища до сгиба коленей вертикально опущены вниз, а затем неестественно вынесены вперед. Не исключено, что в таком виде представлено изображение хищника, преследующего копытное животное или готовящегося к нападению на него. Диспропорция между коротким туловищем и длинными конечностями позволяет предположить, что изображен кошачий хищник – рысь. Подобная сцена преследования присутствует среди рисунков эпохи Средневековья в северных предгорьях Западного Саяна (рис. 11, 3) [Заика, Капелько 1989]. Таким образом, охрой бордового оттенка на смежных плоскостях 3 и 4 запечатлены сцены из таежной жизни, относящиеся, по предварительным данным, к эпохе раннего железного века – раннего Средневековья.

Конфигурация прямых линий на плоскости 5 пока не поддается четкому определению, но косые росчерки в нижней части плоскости, скорее всего, являются пробными мазками краски, которые были сделаны перед нанесением рисунков. Учитывая схожесть в тонировке краски, не исключено, что изображения были нанесены в тех же хронологических пределах, что и на плоскости 4.

Обсуждение

Открытие наскальных рисунков в верховьях р. Кан является знаковым событием. Во-первых, несмотря на многолетнюю историю археологического изучения региона, это первый памятник наскального творчества, зафиксированный в бассейне данного крупного притока р. Енисей. Во-вторых, это практически самый высокогорный объект, археологически исследованный в Саянах.

Судя по результатам проведенного анализа наскальных рисунков на р. Кан, можно утверждать, что они разновременные, дифференцированы большей частью на два хронологических блока: эпоха ранней бронзы и период раннего железа – Средневековья, что не противоречит хроностратиграфической ситуации в известных горно-таежных писаницах Западного и Восточного Саяна [Заика 2014в; Заика, Вдовин 2023; Заика и др. 2021]. Отличительной особенностью канской писаницы является присутствие окуневских изобразительных традиций в виде эталонного образа быка и антропоморфа, выполненного в тасхазинском стиле, что не характерно для наскального искусства Восточного Саяна. В восточносаянских наскальных рисунках доминируют поздние сюжеты, окуневское культурное влияние прослеживается в опосредованном виде, и только на одной известной писанице в верхнем течении р. Мана [Заика 2014в: рис. 2] изображения быков отсутствуют. Окуневское искусство ярко проявляется на писаницах Западного Саяна в виде личин джойского и масок-личин тасхазинского типов, также присутствуют изображения быка [Там же: рис. 1].

Возникает вопрос, связанный со столь глубоким проникновением на восток культуры степняков, причем в неблагоприятные места высокогорья. Если на южных окраинах Минусинской котловины, в предгорьях Саян фиксируются памятники с керамикой окуневского типа [Леонтьев, Леонтьев 2009: 29–43], и можно предполагать сезонные перекочевки небольших групп для охотничьего и рыболовного промысла в зону горной тайги, то в лесостепной и подтаежной зоне Канско-Рыбинской котловины

окуневский «след» пока не обнаружен [Фокин 2010; 2017a; 2017b]. То есть через Красноярско-Канский лесостепной коридор вектор окуневского этнокультурного влияния по существующим археологическим источникам не прослеживается. Соответственно, наиболее вероятным представляется как прямое, так и опосредованное проникновение окуневских традиций в Канско-Манское Белогорье с запада: по Кизиру и Казыру (конфлюэнты р. Туба – правого притока Енисея).

Именно на Шалаболинской писанице, которая расположена в среднем течении р. Туба, ярко представлена тасхазинская традиция. И до недавнего времени это была крайняя северо-восточная локальная точка ее распространения, что не находило определенного объяснения [Савинов 2015]. Причем, судя по стратиграфии и планиграфии многофигурных композиций, тасхазинские рисунки здесь маркируют наиболее поздний пласт окуневских петроглифов [Заика 2019]. То есть не исключено, что по каким-то причинам (социально-экономического или природно-климатического характера) произошла волна миграции носителей тасхазинских художественных традиций из своей ойкумены (юг Хакасии) на правый берег Енисея и далее по Тубе и формирующим ее рекам на восток. О присутствии окуневцев в предгорье Восточного Саяна свидетельствуют результаты археологических исследований в Кизир-Казырском районе [Леонтьев, Леонтьев 2009: 41–43], не до конца подтвержденные сведения о наличии рисованных изображений окуневских личин в месте слияния рек Казыр и Кизир [Вадецкая 1986: 164] и, возможно, рисунки в среднем течении р. Казыр на пороге Щеки. Здесь также будет уместным упомянуть окуневскую личину с каплевидным оформлением глаз на писанице Усть-Туба, подобную тасхазинскому лику [Шер 1980: рис. 116, 5], и выявленные в 2012 г. подобные образы в урочище Каменка, расположенном севернее [Миклашевич 2018].

Нельзя сказать, что высокогорье Восточного Саяна в этот период было необитаемым. По всей видимости, местные жители вели образ жизни бродячих групп охотников, рыболовов и собирателей, который был отмечен у «каменных» моторов, населявших высокогорье Саян в XVII в. [Потапов 1957: 108]. Под прямым или косвенным воздействием окуневцев саянские аборигены могли перенять их художественные традиции и навыки скотоводства. Не исключено, что в канской композиции изображен не привнесенный

образ, а реальный представитель местной фауны (бизон / тур), популяции которого в рудиментарном виде вместе с северным оленем, судя по археологическим данным и палеозоологическим находкам, сохранились в среднем голоцене [Заика, Клементьев 2021]. Поэтому на плоскости 1, видимо, отражена сцена одомашнивания дикого быка или преодоления вместе с ним водной преграды. Судя по сюжетам петроглифов (рис. 8, 1, 3), таежные охотники практиковали и промысловую добычу реликтовых животных. В контексте охотничьей тематики, возможно, отражен, как указывалось ранее, трагичный исход противостояния животному или неудачная попытка его приручения. Отдаленный во времени и в пространстве финал подобной «корриды» известен в росписях пещеры Ляско. В любом случае мы наблюдаем синкретизм различных культурных традиций: степной (тасхазинский тип антропоморфа и минусинский стиль образа быка) и таежной (сюжетное сочетание человека с копытным животным) в эпоху ранней бронзы. Присутствие тасхазинских мигрантов может также подтверждаться наличием на писанице фрагментов личины с каплевидным оформлением глаз (плоскость 4).

Что касается более поздних фигуративных изображений, то они также свидетельствуют о присутствии изобразительных традиций, характерных для различных регионов (Средний Енисей, Северное Приангарье).

Чтобы попытаться объяснить тесное межкультурное взаимодействие населения отдаленных сибирских провинций на протяжении длительного времени, которое фиксируется в материалах археологических вскрытий и сюжетах наскального творчества горно-таежных районов Саян, в частности на локальной территории высокогорья, обратим внимание на ортографическую карту Саянской горной страны (рис. 1). Она наглядно иллюстрирует узел горных хребтов в районе Канского Белогорья и восточнее его, который соединяет водотоки Енисейской и Ангарской гидросистем в одну паутину потенциальных коммуникаций древних культур. Более того, сама по себе разветвленная сеть хребтов с их уплощенными вершинами и высокогорными плато предполагает активные межкультурные контакты различных регионов Сибири.

Направления этих коммуникаций маркированы присутствием минусинского стиля в анималистическом искусстве на левобережных притоках Ангары и в нижнем ее течении [Заика 2013: 153].

Показательным примером является изображение лосихи на р. Бирюса, которое иконографически и стилистически почти дублирует рисунок канского быка (рис. 8, 6). Личина с каплевидным контуром глаз обнаружена на берегах р. Тасеева (рис. 10). Степные мотивы отмечаются и на писанице в верховьях р. Уда [Мельникова 1996: 95]. Противоположный вектор контактов маркирует присутствие ангарских художественных традиций в сюжетах Койской писаницы в верховьях р. Мана [Заика, Кузнецов 2008: 58–59], в петроглифах Ярминского порога на р. Уда [Окладников 1980] и на других объектах.

Соответственно, полноценное археологическое изучение обозначенного высокогорного района Саян помимо выявления межкультурных связей позволит решить многие более фундаментальные проблемы, связанные с культурогенезом древних и этногенезом современных народов Сибири, реконструкцией культурно-исторических процессов в широком временном диапазоне.

Заключение

Несмотря на многолетнюю историю изучения горно-таежных областей Восточного Саяна, в археологическом отношении данная территория остается малоисследованной, соответственно, обнаружение новых наскальных рисунков в саянском высокогорье заслуживает особого внимания. Это первый памятник наскального творчества, зафиксированный в бассейне р. Кан – крупного правобережного притока р. Енисей, и практически самый высокогорный объект, археологически исследованный в Саянах. Как и на многих известных горно-таежных писаницах, канские рисунки нанесены деликатно, без нарушения поверхности скалы – охрой. Выявленные антропо- и зооморфные изображения, знаки дифференцированы, как и на многих писаницах Саян, по двум основным хронологическим блокам: эпоха ранней бронзы и ранний железный век – раннее Средневековье.

В рисунках эпохи ранней бронзы прослеживается сочетание тасхазинских художественных традиций окуневской культуры и таежных мотивов (антропоморф – копытное животное). Необычным для региона является присутствие на писанице изображения быка, характерного для окуневского искусства, выполненного в минусинских изобразительных традициях. Неоднозначно может трактоваться сцена тесного контакта его с маскированным атропоморфом:

скотоводческий сюжет или сцена охотничьего промысла. Не исключено и мифологическое содержание композиции. Во всяком случае, присутствие маскированного персонажа, фрагментов неоконтурной антропоморфной личины указывает на то, что данный объект имел определенное культовое значение начиная с эпохи ранней бронзы.

Поздние петроглифы также отличаются наличием элементов изобразительных традиций, зафиксированных в наскальном искусстве степных культур Среднего Енисея и таежного населения Ангары, иллюстрируют сцены из жизни таежных охотников / скотоводов, характерные для наскального творчества Восточного Саяна.

По всей видимости, сочетание степных и таежных художественных традиций обусловлено активными межкультурными контактами, которые происходили на данной территории в различные периоды. Популярность высокогорных районов в обозначенные периоды могла быть обусловлена причинами как природно-климатического, так и социокультурного характера. Географические условия региона предопределили его роль связующего звена в сети древних коммуникаций между западными / юго-западными и восточными / северо-восточными районами Средней Сибири. Именно в районе Канского Белогорья и восточнее его расходятся веером водотоки Ангаро-Енисейской гидросистемы и линии хребтов Восточного Саяна от Енисея до Забайкалья. Соответственно, дальнейшие исследования восточносаянского высокогорья открывают широкие перспективы для решения дискуссионных вопросов, связанных с этно- и культурогенезом древних и традиционных сообществ средне-сибирского региона.

Учитывая активное разрушение плоскостей с рисунками, необходимо проведение экстренных работ по консервации петроглифов, закреплению отслаивающейся скальной поверхности с рисунками. В противном случае мы рискуем потерять уникальный памятник древнего культурного наследия региона.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аннинский Е. С., Заика А. Л., Ампилогов Б. А., Баранов М. В., Злотя Ю. В., Коган К. А., Пургин В. А. Наскальное искусство Среднего Енисея: от каменного века до Средневековья: по материалам коллекции эстампажей Евгения Сергеевича Аннинского. Железногорск: Платина, 2007. 224 с. [Anninskiy E. S., Zaika A. L., Ampilogov B. A., Baranov M. V., Zlotya Yu. V., Kogan K. A., Purgin V. A. *Rock art of the Middle Yenisei: From the Stone Age to the Middle Ages: Evgeny S. Anninskiy's collection of prints*. Zheleznogorsk: Platinum, 2007, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylunvz>
- Арсеньева Д. С., Заика А. Л. Путешествие Жана Клотта по Енисейской Сибири в 2010 г. *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова*, отв. ред. И. Л. Решетникова. Минусинск: МКМ, 2020. Вып. 2. С. 165–182. [Arseneva D. S., Zaika A. L. The journey of Jean Clottes in Yenisei Siberia in 2010. *Scientific notes of N. M. Martianov Minusinsk Museum of Local Culture and History*, ed. Reshetnikova I. L. Minusinsk: MLM, 2020, iss. 2, 165–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lomzby>
- Барков А. В., Матвеев В. Е. Петроглифы Щеки – новый памятник наскального искусства в горах Восточного Саяна. *Актуальная археология 5: Междунар. науч. конф.* (13–16 апреля 2020 г.) СПб.: Невская типография, 2020. С. 175–178. [Barkov A. V., Matveev V. E. Petroglyphs of Shcheka: A new monument of rock art in the mountains of the Eastern Sayan. *Current Archaeology 5: Proc. Intern. Sci. Conf.*, 13–16 Apr 2020. St. Petersburg: Nevskaja Tipografija, 2020, 175–178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jubrhu>
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 178 с. [Vadetskaya E. B. *Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei*. Leningrad: Nauka, 1986, 178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rwxfon>
- Журавков С. П., Заика А. Л. Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары. *Историко-культурное наследие Северной Азии: XLI Регион. археолого-этнографич. студенч. конф.* (Барнаул, 25–30 марта 2001 г.) Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 464–466. [Zhuravkov S. P., Zaika A. L. The bear image in the rock art of the Middle Yenisei and the Angara. *Historical and cultural heritage of North Asia: Proc. XLI Regional Archaeological and Ethnographic Student Conf.*, Barnaul, 25–30 Mar 2001. Barnaul: ASU, 2001, 464–466. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tukhsj>
- Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. 178 с. [Zaika A. L. *The Masks of the Lower Angara*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2013, 178. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpmacv>
- Заика А. Л. Личины с каплевидным оформлением глаз в древнем искусстве Северной Азии (вопросы генезиса, хронологии, семантики). *Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: Всерос. (с Междунар. уч.) науч. конф.* (Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.) Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014а. С. 34–37. [Zaika A. L. Masks with teardrop-shaped eye design in the ancient art of North Asia. *Archaic and traditional art: Scientific and artistic interpretation: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Sci. Conf.*, Novosibirsk, 12–14 Nov 2014. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2014a, 34–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/weoqsz>
- Заика А. Л. Наскальное искусство горного пояса Хакасско-Минусинской котловины. *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: V Междунар. науч. конф.* (Кызыл, 15–19 сентября 2014 г.) Кызыл: ТувГУ, 2014б. Ч. II. С. 23–27. [Zaika A. L. Rock art of the Khakass-Minusinsk basin mountain belt. *Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia: Proc. V Intern. Sci. Conf.*, 15–19 Sep 2014. Kyzyl: TuvSU, 2014b, pt. II, 23–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/merzqe>
- Заика А. Л. О стратиграфии антропоморфных образов в окуневском искусстве (на примере Шалаболинской писаницы). *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова*, ред. Т. А. Ключников. Минусинск: Ridero, 2019. Вып. 1. С. 82–96. [Zaika A. L. The stratigraphy of anthropomorphic images in Okunev art (on the example of Shalabolinsky petroglyphs). *Scientific notes of N. M. Martianov Minusinsk Museum of Local Culture and History*, ed. Klyuchnikov T. A. Minusinsk: Ridero, 2019, iss. 1, 82–96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/svccbs>
- Заика А. Л., Вдовин А. С. Новые данные о памятниках наскального искусства в долине р. Ус (по результатам исследований 2022 года). *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2023. № 17. С. 59–73. [Zaika A. L., Vdovin A. S. New data on rock art sites in the valley of the Us River (2022 investigation). *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaja pisanitsa"*, 2023, (17): 59–73. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hpotiu>

- Заика А. Л., Капелько В. Ф. Писаницы Ленковой горы. *Проблемы скифо-сибирского мира: социальная структура и общественные отношения*: Всесоюз. Археологич. конф. (Кемерово, 5–7 мая 1989 г.) Кемерово: КемГУ, 1989. Т. 2. С. 92–95. [Zaika A. L., Kapelko V. F. Petroglyphs of Lenkova Mountain. *Scythian-Siberian world: Social structure and public relations*: Proc. All-Union Archaeological Conf., Kemerovo, 5–7 May 1989. Kemerovo: KemSU, 1989, vol. 2, 92–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aegfht>
- Заика А. Л., Клементьев А. М. Изображения быков в наскальном искусстве Ангары. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021. № 1. С. 26–36. [Zaika A. L., Klementyev A. M. Images of a bull in rock art of the Angara. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2021, (1): 26–36. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.1.29.003>
- Заика А. Л., Ключников Т. А., Гурулев Д. А. Писаница Кундусук: результаты исследования 2020 года. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2021. № 1. С. 9–25. [Zaika A. L., Klyuchnikov T. A., Gurulev D. A. Kundusuk rock art site: The results of 2020 study. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2021, (1): 9–25. (In Russ.)] <https://doi.org/10.52782/KRIL.2021.1.29.002>
- Заика А. Л., Конохов В. А., Ермаков Т. К., Степанов Н. С. Результаты исследования западного участка Шалаболинской писаницы в 2018–2019 гг. *Ученые записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова*, отв. ред. И. Л. Решетникова. Минусинск: МКМ, 2020. Вып. 2. С. 208–236. [Zaika A. L., Konokhov V. A., Ermakov T. K., Stepanov N. S. Results of studying Western part of Shalabolin petroglyphs 2018–2019. *Scientific notes of N. M. Martynov Minusinsk Museum of Local Culture and History*, ed. Reshetnikova I. L. Minusinsk: MLM, 2020, iss. 2, 208–236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtrojtd>
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2008. 76 с. [Zaika A. L., Kuznetsov A. L. *Winter archaeology. Field studies of petroglyphs*. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2008, 76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uklzzx>
- Леонтьев Н. В. Писаницы устья р. Кантегир. *Периховские чтения*: конф. (Новосибирск, 1 января – 31 декабря 1984 г.) Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 168–179. [Leontiev N. V. Petroglyphs of the mouth of the Kantegir river. *Roerich's Readings*: Conf., Novosibirsk, 1 Jan – 31 Dec 1984. Novosibirsk: IHPP SB AS USSR, 1985, 168–179. (In Russ.)]
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 236 с. [Leontiev N. V., Kapelko V. F., Esin Yu. N. *Sculptures and stelae of Okunev culture*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 2006, 236. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smcxfef>
- Леонтьев Н. В., Леонтьев С. Н. Памятники археологии Кизир-Казырского района. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. 179 с. [Leontiev N. V., Leontiev S. N. *Objects of archaeology of the Kizir-Kazyr district*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2009, 179. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpmeyx>
- Макаров Н. П., Мандрыка П. В. Каменное кольцо с рисунками из Восточного Саяна. *Наскальное искусство Азии*, отв. ред. Г. С. Мартынова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. Вып. 1. С. 49–51. [Makarov N. P., Mandryka P. V. Petroglyph ring in the Eastern Sayan. *Rock Art of Asia*, Martynova G. S. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1995, iss. 1, 49–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ylhayd>
- Мельникова Л. В. Писаница у Миллионного порога на реке Уде в Тофаларии. *Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование*, гл. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1996. Вып. 1. С. 89–100. [Melnikova L. V. Petroglyph site at the Millionny Rapids on the Uda River in Tofalaria. *The archaeological heritage of Baikal Siberia: Research, protection, and application*, ed. Medvedev G. I. Irkutsk: ISU, 1996, iss. 1, 89–100. (In Russ.)]
- Миклашевич Е. А. Исследования памятников наскального искусства Минусинской котловины Марианной Арташировой Дзвлет. *Тропой тысячелетий. Памяти М. А. Дзвлет*, отв. ред. Г. Г. Король, Е. А. Миклашевич. М.: ИА РАН, 2023. Вып. XIII. С. 65–97. [Miklashevich E. A. Investigation of rock art sites in the Minusinsk basin by Marianna A. Devlet. *The path of millennia. In memory of M. A. Devlet*, eds. Korol G. G., Miklashevich E. A. Moscow: IA RAS, iss. XIII, 2023, 65–97. (In Russ.)]
- Миклашевич Е. А. О памятниках наскального искусства в урочище Каменка на Среднем Енисее. *Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница»*. 2018. № 7. С. 5–22. [Miklashevich E. A. Rock art sites of the Kamenka ravine on the Middle Yenisei. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaya pisanitsa"*, 2018, (7): 5–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtfzkx>

- Муршидова М. А., Заика А. Л. Образ медведя в петроглифах Шалаболинской писаницы. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2019. Вып. X. С. 132–144. [Murshidova M. A., Zaika A. L. The image of the bear in Shalabolinskaya petroglyphs. *Antiquities of Yenisei Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2019, iss. X, 132–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ozzlyf>
- Нащекин Н. В. Каменное кольцо из Восточного Саяна. *Пленум Института археологии АН СССР*. М., 1966. Ч. 1. С. 14–15. [Nashchekin N. V. Stone ring from the Eastern Sayan. *Plenum of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences*. Moscow, 1966, pt. 1, 14–15. (In Russ.)]
- Нащекин Н. В. Немного о себе, об одном незапланированном маршруте и некоторых артефактах, вновь найденных, а также утраченных Красноярским музеем. *Древности Приенисейской Сибири*, отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2018. Вып. IX. С. 6–16. [Nashchekin N. V. A little about myself, an unplanned route, and some artifacts found and lost by the Krasnoyarsk Museum. *Antiquities of Yenisei Siberia*, ed. Mandryka P. V. Krasnoyarsk: SFU, 2018, iss. IX, 6–16. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xurpnb>
- Окладников А. П. Звери и знаки Ярминского порога. *Звери в камне (Первобытное искусство)*, отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1980. С. 96–116. [Okladnikov A. P. Animals and symbols of the Yarminsky Rapids. *Beasts in stone: Prehistoric art*, ed. Okladnikov A. P. Novosibirsk: Nauka, 1980, 96–116. (In Russ.)]
- Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.-Л.: Наука, 1966. 322 с. [Okladnikov A. P. *Petroglyphs of the Angara*. Moscow-Leningrad: Nauka, 1966, 322. (In Russ.)]
- Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 307 с. [Potarov L. P. *The origin and development of the Khakass nationality*. Abakan: Khakas. kn. izd-vo, 1957, 307. (In Russ.)]
- Савинов Д. Г. О стратиграфии окуневского искусства. *Искусство бронзового века: Междунар. симпозиум*. (Штральзунд, Германия, 15–19 апреля 2015 г.) Новосибирск: НГУ, 2015. С. 19–53. [Savinov D. G. Stratigraphy of Okunev art. *The art of the Bronze Age: Proc. Intern. Symposium*, Stralsund, Germany, 15–19 Apr 2015. Novosibirsk: NSU, 2015, 19–53. (In Russ.)]
- Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 140 с. [Sovetova O. S. *Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (plots and images)*. Novosibirsk: IAET SB RAS, 2005, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpbpwp>
- Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работы петроглифического отряда южносибирской археологической экспедиции КемГУ). *Археология, этнография и музейное дело*, отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Никалс, 1999. С. 47–74. [Sovetova O. S., Miklashevich E. A. Chronological and stylistic features of the Middle Yenisei petroglyphs (the results of the work of the Petroglyphic Detachment of the South Siberian Archaeological Expedition of Kemerovo State University). *Archaeology, ethnography and museology*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Nikals, 1999, 47–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfjrhb>
- Советова О. С., Шишкина О. О., Аболонкова И. В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микро-района. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с. [Sovetova O. S., Shishkina O. O., Abolonkova I. V. *Rock art of the Tepsei archaeological microdistrict*. Kemerovo: Vektor-Print, 2021, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fsvmpy>
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с. [Sher Ya. A. *Petroglyphs of Central and Central Asia*. Moscow: Nauka, 1980, 328. (In Russ.)]
- Фокин С. М. Новые данные об археологии Верхнего Кана. *Енисейский Север: история и современность*, отв. ред. А. С. Вдовин. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2017а. Вып. 3. С. 32–51. [Fokin S. M. New archaeological data of the Upper Kan River. *The Yenisei North: history and modernity*, ed. Vdovin A. S. Krasnoyarsk: KSPU named after V. P. Astafiev, 2017a, iss. 3, 32–51. (In Russ.)]
- Фокин С. М. Разведочные работы на Верхнем Кане. *Археологические открытия*. 2017б. Т. 2015. С. 419–420. [Fokin S. M. Search operations on the Upper Kan. *Arkeologicheskie otkrytiia*, 2017b, (2015): 419–420. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywqkwc>
- Фокин С. М. Результаты разведочных исследований Верхнего Кана. *Енисейская провинция*. 2010. № 5. С. 45–56. [Fokin S. M. Filed studies in the Upper Kan River. *Eniseiskaia provintsia*, 2010, (5): 45–56. (In Russ.)]